

© 2000 г. С.В. КНЯЗЕВ

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АКАНЬЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Под **аканьем** в широком смысле в современной лингвистике понимается нейтрализация гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах в звуках, качество которых может зависеть от позиционных условий¹. В этом значении аканье противопоставлено **оканью** – различию безударных гласных фонем неверхнего подъема, т.е. реализации их в том же звукотипе, что и под ударением. Термин **аканье** употребляется и в более узком значении – неразличение в первом предударном слоге после парных твердых согласных гласных неверхнего подъема непереднего ряда (т.к. ⟨е⟩ и ⟨ё⟩ в этих условиях не встречаются). Наряду с аканьем в узком смысле слова имеются разнообразные типы **яканья** – неразличения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после парных мягких согласных. Ниже, если это не оговорено специально, термин "аканье" употребляется в широком смысле, в том же смысле употребляется термин "аканье-яканье".

Одним из первых две разные гипотезы происхождения аканья предложил А.А. Шахматов². Дальнейшая разработка этой проблемы вплоть до настоящего времени связана с выдвинутыми им идеями. Многочисленные теории происхождения аканья можно разделить на пять основных групп: 1) аканье – местное диалектное явление, возникшее из оканья в результате изменения характера ударения и редукции безударных гласных неверхнего подъема [Шахматов 1915], развитие этой теории см. в работах Р.И. Авансова [1947; 1952; 1955] и его учеников [Хабургаев 1980; Горшкова, Хабургаев 1997]; 2) аканье настолько же древнее явление, как и оканье, или даже древнее его; аканье и оканье являются результатом неодинакового развития праславянских гласных, соответствующих древнейшим кратким *о и *а [Шахматов 1893; Vaillant 1950; Георгиев 1963; 1964; 1965; 1968; Филин 1968; 1972]³; 3) аканье возникло под влиянием финно-угорского субстрата [Лыткин 1965]⁴; 4) аканье – результат

¹ См., впрочем, критику такого употребления этого термина в [Чекмонас 1989; 1998].

² "А.А. Шахматов неоднократно менял свои взгляды на протяжении своей научной деятельности (что вообще свойственно любому выдающемуся ученому, не боящемуся отказаться от прежних положений, если он получил доказательства их ошибочности)" [Кузнецов 1964 : 32].

³ Критику теорий этой группы см., например, в [Кузнецов 1964; Борковский, Кузнецов 1965; Авансов 1955].

⁴ "Рассматриваемый нами материал дает основание поставить вопрос: не возникло ли аканье в русском языке под влиянием прамордовского или древнемокшанского языков" [Лыткин 1965: 52]. Отметим, что приводимые В.И. Лыткиным параллели выглядят достаточно убедительно, так что предположение о том, что формирование аканья в русском языке могло быть поддержано наличием сходных вокалических моделей в соседних финно-угорских диалектах, представляется вполне обоснованным: "Нельзя считать решенным вопрос о спонтанном или субстратном возникновении аканья... Вообще воздействие другого и даже неродственного иного типологически по своему строю языка на данный в фонетическом отношении вполне возможно. Но для решения вопроса, хотя бы и в гипотетическом плане, материала недостаточно" [Кузнецов 1964: 39, 40].

перестройки фонологической системы русского языка [Руделев 1963; Хабургаев 1965]⁵; 5) аканье является результатом ряда последовательных фонетических изменений, каждое из которых имеет свою территорию, и поэтому не может считаться единственным ни по своему содержанию, ни географически [Трубецкой 1987]⁶. Особняком в этом ряду стоят гипотезы Р.О. Якобсона [Jacobson 1929] и Н. Ван-Вейка [van Wijk 1934–1935].

В настоящей работе подробно рассматриваются только "редукционная"⁷ теория А.А. Шахматова и гипотеза О. Брука, бегло намеченная им в работе [Брук 1916]⁸.

Концепция А.А. Шахматова наиболее полно сформулирована в его книге "Очерк древнейшего периода истории русского языка" [Шахматов 1915]. Основные положения теории А.А. Шахматова сводятся к следующим пунктам:

— аканье возникло в эпоху после падения редуцированных: "Едва ли было бы осторожно вывести, что редукция широких неударяемых гласных произошла до падения глухих" [Шахматов 1915: 334]⁹;

⁵ Подробная критика гипотез этого направления дана П.С. Кузнецовым: "Обычно чисто фонетические изменения, происходящие на протяжении истории языка и сами по себе не обусловленные фонологией, являются причиной перестройки фонологических отношений, а не наоборот... Что касается самой гипотезы Руделева, то она, как и некоторые другие работы последнего времени... стремится истолковать историческое развитие звуковой системы языка, исходя из теории различительных признаков Якобсона и их отношений. Объяснения Руделева вызывают следующие возражения, которые могут быть обращены и к другим работам данного направления. Во-первых, сами дифференциальные признаки произвольно приписываются некоторым звуковым единицам (фонемам), которые соответствующими признаками могли и не характеризоваться, а порой и заведомо не характеризовались (древнерусским *е*, *о* компактность приписывается вполне произвольно). Во-вторых, достаточным мотивом для фонетического изменения признается тот факт, что некоторые признаки становятся в силу тех или иных обстоятельств избыточными" [Кузнецов 1964: 37–38]. Добавим, что и выбор признаковой базы для описания системы вокализма в этих работах является достаточно произвольным: не вполне ясно, почему в качестве основного ДП, противопоставляющего верхние и неверхние гласные, выбирается акустический признак "компактность/диффузность". Частично эта точка зрения сохраняется и в [Горшкова, Хабургаев 1997].

⁶ "Можно установить следующую последовательность основных явлений: 1) переход неудар. ъ в е (в белорусской области параллельно безударное *uo* > *o*); 2) совпадение неударного *o* с *a* в одном звуке ʌ (заднего ряда, среднего подъема, нелабиализованного); 3) переход неударного ʌ (и *a*) в е после мягкой согласной; 4) переход ʌ и е в а в непосредственно предударном слоге... Между 3-м и 4-м моментом следует поместить еще один, именно – сужение безударного е в е и ʌ в ъ. Оба происходили в ограниченной области диссимилятивно акающих говоров при определенных условиях даже в непосредственно предударном слоге (при наличии в следующем слоге *a* и т.д.), прочие же говоры либо совсем не знали сужения, либо знали его лишь в не-непосредственно предударных слогах. Но кроме этого параллельного сужения неударного е и ʌ в ɛ(ε) и ъ (ə) надо принять и специальное сужение е перед мягкими согласными – явление, трудно отделимое от перехода ударяемого е в ɛ перед мягкой согласной. Переходу в а подлежало, разумеется, только не суженное безударное е... Каждое из этих явлений имеет свою территорию... Так что "аканье" не является единственным ни по своему содержанию, ни географически" [Трубецкой 1987: 429–430, 162].

⁷ Редукционными принято называть теории, предполагающие нейтрализацию гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге в редуцированном гласном ъ ([ъ]).

⁸ В работе самого О. Брука не содержится детальной разработки предложенной им гипотезы; в дальнейшем изложении будет предпринята попытка ее развития.

⁹ "Об этом свидетельствует то, что ни в одном акающем говоре не имеется никаких указаний на различия в вокализме исконного первого предударного слога и первого предударного слога, ставшего таковым после падения редуцированных" [Аванесов 1955: 28].

– исходной системой, из которой сформировались все типы аканья, было обоянское (архаическое) аканье;

– в фонетической системе древнерусского языка этого периода сохранялись праславянские различия по долготе/краткости гласных (на произносительном уровне, т.к. на фонологическом уровне количественные различия преобразовались в качественные еще в дописьменную эпоху), т.е. долгими были гласные верхнего, верхне-среднего и нижнего подъема, а краткими – среднего подъема: "Долгими могли быть узкие гласные, следовательно гласные *i*, *y*, *u*, *ъ* (*ie*), равным образом могло удлиняться¹⁰ исконное *o* под восходящим ударением" [Шахматов 1915: 333], "гласная *a* была исконно долгой" [Шахматов 1915: 331]:

(1.1)

все слоги		
<i>i:</i> <i>ě:</i> <i>e</i>	<i>ы:</i> <i>a:</i>	<i>y:</i> <i>о</i> → <i>ö:</i> <i>o</i>

В дальнейшем, по предположению А.А. Шахматова, произошло сокращение гласного нижнего подъема: "Принимаю, во-первых, сокращение исконно долгих гласных широких, т.е. звука *a* различного происхождения; оно могло иметь место еще в общерусском прайзыке, но возможно, что сокращение произошло позже, в восточнорусском наречии; вследствие такого сокращения оказывалось, что все широкие гласные кратки, все узкие долги" [Шахматов 1915: 332]; "Гласная *a* сократилась в восточнорусском наречии, а может быть, еще и в общерусском прайзыке раньше, чем гласные *i*, *y*, *u*, *ě*, *ö*" [Шахматов 1915: 340]:

(1.2)

все слоги		
<i>i:</i> <i>ě:</i> <i>e</i>	<i>ы:</i> <i>a</i>	<i>y:</i> <i>ö:</i> ¹¹ <i>o</i>

Затем, в результате смены музыкального ударения "экспираторным"¹², происходит

¹⁰ Таким образом, этот гласный был изначально кратким, а удлинился он, по мнению А.А. Шахматова, под влиянием аналогии с долгим *ě*: – гласным того же подъема.

¹¹ Гласный *ö* был представлен только в ударном слоге.

¹² Следует при этом иметь в виду, что термин "экспираторное/динамическое ударение" является в значительной мере условным. В современной фонетике практически общим местом стало положение о том, что не существует ударения, единственным (или даже основным) фонетическим коррелятом которого является интенсивность – в силу того, что увеличение дыхательного усилия влечет за собой как увеличение длительности, так и изменение спектральных свойств гласных. Наоборот, количественное ударение без динамического компонента представляет собой достаточно частое явление. В последнее время было убедительно показано, что интенсивность не является основным компонентом ударения даже в тех языках, ударение которых описывалось обычно как экспираторное – например, в чешском, русском и английском. Так, для английского языка основным физическим коррелятом ударения является длительность гласного (даже несмотря на то, что длительность используется в английском языке и на сегментном уровне – для противопоставления как

сокращение безударных гласных, причем долгие гласные изменяются в краткие (и сохраняют противопоставленность друг другу и гласным среднего и нижнего подъема), а краткие – в сверхкраткие (и нейтрализуются в редуцированном среднего подъема [ъ]/[ъ']): "В восточнорусском наречии редукции подверглись... гласные широкого образования; редуцировались они только в неударяемом положении; под ударением эти гласные сохранили свой первоначальный звук. Редукция этих гласных стоит в несомненной связи с их краткостью" [Шахматов 1915: 331].

(1.3)

безударные слоги

и: → и ё: → ё	ы: → ы	ү: → ү
е → ъ а → ъ\ъ	a → ъ\ъ	o → ъ(ъ) ¹³

Сначала, впрочем, А.А. Шахматов постулирует переход

(1.4) ё: → е в безударном положении: "Что до звука, соответствующего исконному ъ, он... не потерял своей дифтонгичности в восточнорусскую эпоху, но она удерживалась только под ударением; в неударяемом положении ie рано изменилось в e; ср. отсутствие дифтонгизации o в io в неударяемых слогах и дифтонгизацию его под восходящим ударением. Вследствие этого под ударением исходное ъ было звуком узким, а в неударяемом положении широким; редуцируясь в этом последнем положении, оно под ударением сохраняло долготу: b'ъda, b'ъl'it' перешли в b'eda¹⁴, b'el'it', откуда b'al'it'¹⁵, l'et'ъt', na s'el'ъ, откуда l'at'ъt', na s'al'ъ" [Шахматов 1915: 335], что дает

гласных, так и согласных фонем: *lid – lead* с одной стороны и *hid – lit* с другой) [Beckman 1986]. В русском языке по интенсивности достаточно надежно выделяются лишь заударные гласные, предударные же чаще всего превосходят ударный по этому показателю [Князев 1998]. Наконец, распределение интенсивности в слове в огромной степени зависит от фразовых условий, так что говорить о какой-то роли интенсивности в создании эффекта ударности можно только на материале произношения изолированных слов: "Традиционной является точка зрения, в соответствии с которой русское словесное ударение характеризуется как динамическое... Это положение можно объяснить только тем, что при описании свойств словесного ударения сугубо теоретической точки зрения более или менее безразлично, как его назвать – динамическим или количественным. В тех случаях, когда необходимо практически использовать полезные признаки ударения, оказывается, что опираться на старые представления о его динамическом характере невозможно... Детальные исследования громкости показали, что она зависит от двух факторов: во-первых, от качества гласного... во-вторых, от положения слога в слове – чем ближе слог к началу слова, тем больше громкость гласного в этом слоге" [Бондарко 1998: 218–219]; "The intensity curve is generally independent of stress" [Kodzasov 1999]. Таким образом, сейчас вряд ли можно принять точку зрения, согласно которой в эпоху возникновения аканья "ударный слог противопоставлен остальным (безударным) по силе и интенсивности" [Горшкова, Хабургаев 1997:116].

¹³ Если считать, что описываемый процесс произошел после перехода e → o; в противном случае – o → ъ.

¹⁴ Символом "ε" А.А. Шахматов обозначает "редуцированную гласную (короче краткой) переднего ряда" [Шахматов 1915: 332] (в современной русской транскрипции [ъ]), символом "α" – "редуцированную гласную (короче краткой) среднего ряда" [Шахматов 1915: 331] (в современной русской транскрипции [ъ]).

¹⁵ Таким образом, [a] после мягких согласных возводится А.А. Шахматовым к широкому гласному на месте безударных ъ, е, а.

(1.5)

безударные слоги

и: → и	ы: → ы	у: → у
ě: → е → ъ е → ъ		о → ъ(ъ)
	а → ъ(ъ)	

В дальнейшем утрачиваются количественные различия в ударном слоге (сокращаются долгие, т.е. гласные верхнего и верхне-среднего подъема):

(1.6)

ударный слог

и: → и	ы: → ы	у: → у
ě: → ё		ö: → ö
е	а	о

При этом происходит компенсационное удлинение гласного первого предударного слога, но только в том случае, если он был редуцированным:

(1.7) ъ'ъ → а перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема: "Останавливаясь пока только на слогах предударных, видим, что при наличии здесь редуцированной полукраткой гласной, в следующем ударяемом слоге могли стоять или гласные долгие узкие, или гласные краткие широкие. В восточнославянском наречии слова второго типа сохранялись без изменения; напротив, еще в восточнославянскую эпоху слова первого типа должны были подвергнуться изменению вследствие наступившего здесь общего сокращения долгих гласных; сокращение долгой ударяемой гласной имело следствием удлинение полукраткой гласной предшествующего слога; удлиняясь, о переходило в а; е переходило в одних диалектах в а, а в других в е" [Шахматов 1915: 333]. Таким образом:

(1.8)

предударный слог	ударный слог
и, у, (о, а →) ъ → а	и, ы, у
и, у, (о, а →) ъ → а	ё, ö
и, у, (о, а →) ъ	е, о
и, у, (о, а →) ъ	а

Аналогично устроено и диссимилятивное яканье (после мягких согласных):

(1.9)

предударный слог	ударный слог
и, у, (ё, е, а, (о) →) ъ → а	и, ы, у
и, у, (ё, е, а, (о) →) ъ → а	ё, ö
и, у, (ё, е, а, (о) →) ъ	е, о
и, у, (ё, е, а, (о) →) ъ	а

Предложенная схема полностью соответствует обоянскому типу диссимилятивного яканья; все остальные типы яканья-яканья, в том числе и недиссимилятивный, рассматриваются А.А. Шахматовым как нарушения исходной (архаической) модели

предударного вокализма в результате аналогического выравнивания: "Большая часть южновеликорусских и белорусских говоров отступили однако от сложных отношений восточнорусской эпохи. Из двух типов второй¹⁶ получил перевес над первым¹⁷ и вытеснил его. В предударных слогах была проведена однообразная система. Сюда относятся, например, московское наречие и сходные с ним, где после твердых согласных последовательно проводится **а**, после мягких **е(i)**... Наиболее архаичными должно признать те **{говоры}**, в которых чередование гласных неполного образования и гласной **а** зависит от природы ударяемой гласной, ибо подобное различение гласных в предударном слоге должно быть признано более древним состоянием, чем то однообразие, которое наступало, в силу естественного влияния звуковой аналогии, в других говорах" [Шахматов 1915: 338–339].

Основные недостатки изложенной выше концепции состоят в следующем:

1. Предполагается сохранение в фонетической системе русского языка эпохи после падения редуцированных праславянских долгот (утраченных на фонологическом уровне еще в дописьменную эпоху) на "произносительном" уровне. Такое предположение вряд ли можно считать обоснованным. Так, исходя из этой гипотезы следовало бы ожидать, в частности, наличия "орфоэпических" различий по длительности между современными [o], восходящими к **ъ**, **о** и **ö**.

2. Постулируется раннее сокращение **а**: не обоснованное ничем, кроме необходимости объяснить механизм формирования аканья¹⁸.

3. Приходится предполагать удлинение **ö**, возникшего из краткого **о**. Вообще, история **ö** в соответствии с концепцией А.А. Шахматова выглядит довольно неправдоподобной: сначала предполагается его удлинение на фоне отсутствия фонологических противопоставлений по долготе, затем сокращение в ударном слоге.

4. Постулируется раннее сокращение **ё**: в безударных слогах, не обоснованное ничем, кроме необходимости объяснить механизм формирования аканья.

5. А.А. Шахматов не различает позиции перед конечными и неконечными ударными гласными при том, что по его же утверждению, еще на праславянской почве конечные долгие гласные (например, носовое **о**, давшее в восточнославянских диалектах **у**) подвергались сокращению [Шахматов 1915: 331–343]; в силу этого обстоятельства "сократившееся -у в *несу* и сохранившее долготу -у- в *несут* должны были бы оказывать различное воздействие на гласный предударного слога, но оказывается, что воздействие это одинаково... Если же принять, что *несу* содержит рано сократившееся **у**, в диссимилятивно якающем говоре должно было бы быть **нису*' (как *нисла*)" [Кузнецов 1964: 32–33].

6. Наличие систем типа (1.1), (1.2) представляется маловероятным с общефонетической точки зрения. Согласно одной из фонетических универсалий, при отсутствии фонологического противопоставления по долготе собственная длительность гласных возрастает с понижением их подъема (подробнее об этом см. ниже).

7. Неясно, почему "экспираторное" ударение вызывает сокращение ударных гласных.

8. Приходится предполагать независимое возникновение сильного яканья на западе и востоке акающей территории: "Диссимилятивное аканье вообще старше сильного... Сильное яканье белорусских и южновеликорусских говоров развилось в каждом из них независимо от другого" [Дурново 1918: 26–27].

¹⁶ с [a] в предударном слоге. – С.К.

¹⁷ с [ъ] в предударном слоге. – С.К.

¹⁸ "Взгляды Шахматова и Дурново основываются на недоказанном и теоретически в высшей степени неправдоподобном предположении, что долгое **а** сократилось якобы раньше, чем долгие **у**, **и**, **i**. Обычно, однако, как известно, именно узкие гласные сокращаются особенно легко, тогда как открытые гласные наиболее упорно сохраняют свою долготу" [Трубецкой 1987: 161].

9. Диссимилятивные модели вокализма чрезвычайно разнообразны и иногда осложняются ассимилятивным принципом (см. 1.10). Предложенная А.А. Шахматовым гипотеза объясняет возникновение только архаического (обоянского) типа аканья; остальные его типы в соответствии с этой гипотезой представляют собой либо результат разрушения исходной (архаической) модели, либо модели, сформировавшиеся параллельно с архаической. При этом если недиссимилятивное аканье может быть рассмотрено просто как упрощение исходной диссимилятивной модели (т.е. как обобщение предударного [a] в положении перед всеми ударными гласными), то разнообразные типы диссимилятивного яканья вряд ли могут быть выведены непосредственно из архаического¹⁹. То же относится к системе умеренного яканья, возникновение которого принято объяснять наслоением именно недиссимилятивного аканья на окающую модель владимиро-поволжского типа [Сидоров 1951; 1966].

(1.10). Типы диссимилятивного (в скобках – соответствующего ассимилятивно-диссимилятивного) яканья.

Ударный гласный	и/у	ö	ě	o	e	'o	a
Гласный 1-го предударного слога:							
донской*	a	i	i	i	i	i	i
дмитриевский	a	a	i	i	i	i	i
архаический	a	a	a	i	i	i	i
суджанский (кидусовский)	a	a	i	a	i	i	i
мосальский (култуковский)	a	a	i	a	i	a	i
щигровский (новоселковский)	a	a	a	a	i	i	a
жиздринский	a	a	a	a	a	a	i

* Выделены типы яканья, для которых существуют параллельные типы вокализма после твердых согласных²⁰.

¹⁹ Впрочем, Н.Н. Дурново считал возможным объяснить образование, например, сужданского яканья из обоянского в результате утраты гласных фонем средне-верхнего подъема, но не фонетическим путем, а путем аналогии: "Факты... заставляют отказаться от чисто фонетического объяснения возникновения яканья Суджанского типа и искать его в изменениях по аналогии. Такую аналогию, благодаря которой могло возникнуть яканье Суджанского типа, мы найдем, если предположим, что впервые оно развилось из яканья обоянского типа: 1) о старое под ударением приблизительно вдвое чаще, чем o из ъ; 2) e из старых e, ь под ударением в общем чаще раза в полтора, чем ѿ. Эти отношения должны были вызвать в говорах с яканьем Обоянского типа в случае утраты различия между ударяемыми o старыми и o из ъ и между ударяемыми e из e, ь старых и e из ѿ стремление к распространению предударного a на положение перед слогом с o из ъ и предударной редуцированной гласной на положение перед слогом с e из ѿ; перед слогом с o из e или из ѿ должно было сохраниться старое произношение с редуцированной гласной, если это o по качеству или по количеству в то время еще не совпало с o старым и из ъ" [Дурново 1918: 45–46]. Эта точка зрения развивается в работах К.Ф. Захаровой [Захарова 1959; 1961; 1971; 1977]. Имеются и попытки дать фонетическое объяснение Суджанскому типу яканья: "Поскольку Суджанский тип вокализма находится в зоне диссимилятивной зависимости гласных по ступеням подъема, то не исключено, что в эпоху его формирования в говорах этой территории непередние гласные были более высокими по подъему, чем передние, и граница между верхним и неверхним подъемами проходила между гласными типа [o] и гласными типа [e]" [Пожарская 1997: 49]. Такое объяснение вряд ли можно принять, так как даже в пределах одного подъема передние гласные всегда являются более высокими, чем задние: "Весь задний ряд (и его градации гласных по основным уровням подъема) расположен относительно ниже, чем средний, и, тем более, передний ряд" [Высотский 1967: 56].

²⁰ Для типа аканья, параллельного донскому яканью, Л.Л. Касаткин и Р.Ф. Касаткина

Так, например, формирование донской и жиздринской²¹ моделей вокализма обычно объясняется как следствие утраты различий между гласными среднего и верхнесреднего подъема. В этом случае возникает вопрос о времени такой утраты. Если совпадение **ö** и **o**, **ë** и **e** относится к эпохе до момента формирования яканья, то формирование донской модели описывается совершенно непротиворечиво (гласные **ö** и **ë** просто исключаются из рассмотрения), но для объяснения механизма формирования жиздринского яканья необходимо предположить либо совпадение **ö**: **o**, **ë**: **e** в (долгих) гласных средне-верхнего подъема, либо удлинение исходных кратких **o** и **e** при сокращении исходного долгого **a**: т.е. **o**: **a**: → **o**: **e**: **a**; оба эти предположения представляются в равной мере маловероятными.

Если же совпадение **ö** и **o**, **ë** и **e** относится к эпохе после момента формирования яканья (то есть донское и жиздринское яканье выводятся непосредственно из архаического)²², то неясным остается вопрос о том, почему в этих говорах не сохранилась исходная реализация предударных гласных в зависимости от разных ударных гласных – ведь общеизвестно, что в современных говорах с архаическим яканьем часто фиксируется пятифонемный вокализм, но разная реакция гласного предударного слога на этимологические **ë** и **e** под ударением сохраняется: перед ударным [e] из **ë** произносится [a], а перед ударным [e] из **e**, **ь** – [ъ] ([нав'ëс] – **навёс**, но [нъв'ëрхн'ым] – **на вёрхнем**²³).

Наконец, этой гипотезе противоречит тот факт, что донское и особенно часто жиздринское яканье-яканье фиксируются не только в пятифонемных, но и в семи- и шестифонемных современных говорах (таков, в частности, говор дер. Губарёво Семилукского района Воронежской области, в котором семифонемный ударный вокализм существует с жиздринским яканьем и донским яканьем). Такие случаи отмечаются достаточно часто – ниже (см. Табл. 1.11) приводятся сведения о составе гласных фонем и типах предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в

предложили название "прохоровское яканье" [Касаткина и др., в печати]. Однако в тексте настоящей статьи термины "прохоровское яканье" и "донское яканье" употребляются как синонимы (хотя последнее название является гораздо менее удачным, такое словоупотребление удобнее, так как позволяет одним термином обозначать параллельные модели после твердых и после мягких согласных).

²¹ Жиздринское яканье в настоящее время является самой распространенной из диссимилятивных моделей вокализма; оно свойственно западным говорам южнорусского наречия.

²² "Если принять предложенное объяснение Задонского и Обоянского типов яканья, то яканье Донского и Жиздринского типов надо считать вторичным или возникшим при других условиях. Что касается первого из них, то возникновение его можно отнести к той же эпохе, как и Обоянского, если предположить, что дифтонги... еще раньше сократились и совпали с **o** и **e** другого происхождения... Это предположение я не решаюсь выставлять как единственное возможное и считаю допустимым и другое предположение – что **o** под восходящим ударением и **ъ** утратили дифтонгическое произношение и совпали с **o** и **e** другого происхождения значительно позднее эпохи возникновения яканья, и что это самое совпадение их с **o** и **e** другого происхождения и вызвало изменение бывшего ранее в этих говорах яканья Обоянского типа в яканье Донского типа. В таком случае замена предударного **a** через **i** перед слогом с **o** и **e** из бывших дифтонгов могла явиться только по аналогии со случаями, где было предударное **i** и перед слогом с **o** и **e** другого происхождения" [Дурново 1918: 59–60]; "Причины образования яканья Жиздринского типа могли быть те же, что и яканья Суджанского и, м.б., Донского типов, т.е. утрата дифтонгического произношения **o** под восходящим ударением и **ъ** и совпадение их с **o** и **e** другого происхождения... Быть может, **a** сперва распространилось лишь на положение перед слогом с **o** из **ъ** и, наконец, на остальные положения вследствие вытеснения редуцированной гласной из большинства случаев с положением перед слогом с гласными среднего подъема" [Дурново 1918: 61–62].

²³ См., например [Захарова 1959; 1961].

некоторых южнорусских говорах по данным звучащей хрестоматии [Касаткина и др., в печати].

(1.11)

Населенный пункт	состав гласных фонем	тип аканья	тип яканья
Смоленская обл., Руднянский р-н	а, о, е, ё, и, у	жиздринский	дмитриевский
Калужская обл., Хаставовический р-н, с. Бояновичи	а, о, е, ӧ, и, у	донской	
Белгородская обл., Алексеевский р-н, д. Афанасьевка	а, о, е, ӧ, и, у		суджанский
Липецкая обл., Елецкий р-н, д. Хитрово	а, о, е, и, у	архаический	
Воронежская обл., Россосанский р-н, пос. Лебедь-Сергеевский	а, о, е, ӧ, и, у	жиздринский	архаический
Тамбовская обл., Староюрьевский р-н, д. Поповка	а, о, е, ё, и, у	жиздринский	ореховский
Ставропольский край, Левокумский р-н, ст. Левокумская	а, о, е, ё, и, у	жиздринский	кидусовский

То же относится и к рязанским говорам с ассимилятивно-диссимиллятивным яканьем: "Обращает на себя внимание тот факт, что семифонемный состав ударенных гласных, которым характеризуются говоры северной, северо-восточной и юго-восточной окраины Рязанчины, ни в одном случае не сочетается с таким предударным вокализмом, который хотя бы указывал на бытую зависимость от характера ударенного вокализма: говоров, в которых ассимилятивность наслышивалась бы на архаический тип диссимиллятивного яканья, в Рязанчине не отмечено совсем. Чаще всего при семифонемном составе ударенных гласных предударный вокализм характеризуется новоселковским яканьем (см. населенные пункты 327, 329, 331, 332, 335, 550, 564, 569, 581, 594, 605²⁴), но есть говоры, где при семифонемном составе гласных отмечено кидусовское яканье (296, 297)" [Мораховская 1962: 99]²⁵. Таким образом, непротиворечивое объяснение развития большинства диссимиллятивных и ассимилятивно-диссимиллятивных типов аканья-яканья невозможно ни исходя из первичности архаического аканья, ни исходя из гипотезы их параллельного развития путем, предложенным А.А. Шахматовым²⁶. Тем самым, вряд ли можно согласиться с мнением о том, что анализ отношений между структурными типами аканья-яканья позволяет сделать вывод о первичности именно обоянской диссимиллятивной модели, как полагали Р.И. Аванесов [Аванесов 1952: 39], К.В. Горшкова и Г.А. Хабурагаев [Горшкова, Хабурагаев 1997: 111]. По сути, системных аргументов в пользу такой точки зрения всего два: 1) этот тип безударного вокализма предсказывается концепцией А.А. Шахматова; 2) эта модель наиболее отчетливо отражает противопоставление гласных среднего и средне-верхнего подъема (однако из этого вовсе не следует, что все типы аканья-яканья развились именно из него). Этого явно недостаточно для того, чтобы принять подобную точку зрения.

Одно из приведенных выше соображений (см. п. 2, с. 80) как будто бы может быть отведено на основании данных, полученных в последнее время. Так, К.В. Горшковой и Г.А. Хабурагаевым было выдвинуто предположение о том, что раннее сокращение *a*: можно считать необязательным вследствие существования ассимилятивно-диссимиля-

²⁴ Номера населенных пунктов по [АРНГ 1957].

²⁵ Отметим еще раз, что при новоселковском яканье предударный гласный одинаково реагирует на ударные [о] и [ӧ], а при кидусовском – и на ударные [е] и [ё].

²⁶ На возможность того, что различные типы аканья могли возникнуть одновременно, указывал еще Р.О. Якобсон [Jacobson 1929], а на то, что исходным типом аканья вероятнее всего было аканье недиссимиллятивное, – О.Б. Курило [Курило 1928] и Н. Ван-Вейк [van Wijk 1934–1935].

тивных моделей аканья и яканья, которые не были известны А.А. Шахматову: "Современный диалектологический материал, указывающий на давность ассимилятивно-диссимилятивных разновидностей и единство происхождения ассимилятивно-диссимилятивного и собственно диссимилятивного аканья-яканья, не требует такого предположения: достаточно считать, что окраинные говоры Деснинско-Сейменского междуречья в период осуществления первой стадии сокращения гласных могли в узком ареале сократить также и под ударением компактный гласный [a], в то время как остальные говоры, первоначально с ним связанные (по среднему течению Оки), продолжали сохранять этот гласный как долгий" [Горшкова, Хабургаев 1997: 118–119].

Однако и привлечение для анализа этих типов диссимилятивного аканья-яканья не снимает всех вопросов: во-первых, все равно приходится постулировать сокращение [a:] в безударных слогах (т.к. иначе он не совпадает с рефлексами [e] и [o]) при отсутствии такого сокращения у безударных [i:] и [y:]. Во-вторых, принцип ассимилятивности обычно накладывается на многие типы диссимилятивного яканья, кроме как раз архаического, на анализе которого строится гипотеза А.А. Шахматова. В-третьих, в тех говорах, в которых предполагается наличие ассимилятивно-диссимилятивного аканья на основе архаического [Касаткина, Щигель 1995], имеет место не только [a]-образный редуцированный²⁷ в положении перед ударным [a], но и лабиализованные редуцированные в положении перед ударным [o], и упередненные редуцированные в положении перед ударным [e] [Касаткина, Щигель 1995] – таким образом диссимиляция (количественная) в этих говорах является системным фактом, фонологическим (лингвистическим) правилом, а ассимиляция (качественная) – поверхностным, фонетическим (коартикуляционным) явлением²⁸ (в отличие от юго-восточных говоров с "настоящим" ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, где и ассимиляция ([ъ] → [a] перед [á]) уже фонологизирована и является лингвистическим правилом). Это обстоятельство позволяет характеризовать описанное Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Щигель явление не как особую модель диссимилятивного аканья, возникшую на базе системы с сохранением праславянских долгот, а как простой факт межслоговой вокальной ассимиляции, широко известной не только большинству русских говоров (ср., например, в[’o]дú при в[’e]лá в севернорусских говорах; подробно об этом см. [Касаткина 1996]), но и литературному языку (*n[’o]утрύ*, *n[’o]купáть*, *d[’o]кумéнт*)²⁹ [Пауфошима 1980]. Наконец, в-четвертых, признание ассимилятивно-диссимилятивных моделей яканья наиболее древними заставляет отнести ареал первоначального возникновения аканья на восточную периферию территории его современного распространения, что противоречит мнению о том, что первоначально аканье возникло в самом центре этой территории [Хабургаев 1980: 142–145; Горшкова, Хабургаев 1997].

Таким образом, невозможно не согласиться с мнением П.С. Кузнецова о том, что "обращают на себя внимание противоречия... между различными положениями одной и той же работы, где как раз наиболее полно в последний раз (А.А. Шахматовым) излагается гипотеза возникновения и развития аканья" [Кузнецов 1964: 32].

Принципиально иной взгляд на механизм формирования аканья предложен О. Броком³⁰. В своей работе "Говоры к западу от Мосальска" он писал: «Мена *sъхá:saxú*, *s’istrá:sastrú*, по-видимому, связана сначала с отношениями долготы в ударяемом и предшествующих слогах... Можно предположить, что появление á:a зависело сначала

²⁷ О том, что это не "нормальное" [a] свидетельствует его "повышенное" образование и значительно меньшая длительность по сравнению с [a] в положении перед ударными гласными верхнего подъема [Касаткина, Щигель 1995: 298].

²⁸ Подробнее об этом см. [Князев 1999].

²⁹ Отметим, что именно редуцированные гласные в наибольшей степени подвержены ассимилятивным изменениям; знаком [’o] обозначается лабиализованный редуцированный гласный.

³⁰ О. Брок во время написания своей работы еще не был знаком с книгой А.А. Шахматова "Очерк древнейшего периода истории русского языка", где наиболее полно изложена концепция А.А. Шахматова [Брок 1916:61].

от долготы следующего, ударяемого гласного... С первоначальными количественными отношениями общеславянской и общерусской эпох эти ударяемые долготы: краткости не имеют, по-видимому, никакой прямой связи. Они выросли, напротив, по исчезновении старших, этимологических количественных отношений. За то обзор говоров, интересующих нас в данном вопросе, который показывает, что ударяемому *a* правильно предшествует *ъ*, т.е. краткость, ударяемым же *i*, *u*, *y*, т.е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует *a*, т.е. долгота. Заключаю из этого, что речь идет о количестве "натурой"; *á* было натурой "долгим", *í* и пр. натурой "краткими" гласными. Можно предположить, что такая разница зависит от того признакового явления, что при обстоятельствах, в остальном тождественных, гласный вообще тем длиннее, чем его образование шире» [Брок 1916: 57–59].

С точки зрения современных фонетических знаний это допущение представляется совершенно обоснованным. Так, в среднем, при прочих равных условиях, в современном русском литературном языке (далее – СРЛЯ) собственная длительность гласных верхнего подъема ([и], [ы], [у]) составляет около 75%, а длительность гласных среднего подъема ([е], [օ]) – около 90% от длительности гласного нижнего подъема [а] [Кузнецов, Отт 1989: 68]. Тем самым, по собственной длительности гласные среднего подъема оказываются несколько ближе гласным нижнего подъема, чем верхнего.

Таким образом, можно считать, что распределение длительностей гласных в фонетической системе древнерусского языка в эпоху возникновения аканья было прямо противоположным тому, которое постулируется А.А. Шахматовым, т.е. самим долгим был широкий гласный [а], самыми краткими узкие гласные [и], [ы] и [у], а [е], [օ], [ё] и [ö] занимали промежуточное положение, причем гласные среднего подъема были несколько более долгими, чем гласные средне-верхнего подъема, см. об этом ниже, с. 90.

Основываясь на гипотезе О. Брука, можно предположить далее, что механизм возникновения аканья был гораздо более простым и непротиворечивым, чем это допускается в соответствии с концепцией А.А. Шахматова: «Эта гипотеза гораздо убедительнее объясняет происхождение диссимилятивного аканья, чем гипотеза А.А. Шахматова, поддержанная Н.Н. Дурново и основанная на праславянских долготных отношениях гласных. К моменту образования аканья эти отношения должны были измениться, тогда как отношения, на которые опирался О. Брок, реально существовали и существуют до сих пор» [Касаткин 1998]. Впрочем, в работе О. Брука нет никаких указаний на то, что он считал первичным именно диссимилятивное аканье, более того, его гипотеза – в отличие от концепции А.А. Шахматова – не требует этого допущения в обязательном порядке. Наоборот, гипотеза О. Брука позволяет объяснить не только и даже не столько происхождение диссимилятивного аканья, сколько – и в первую очередь – аканья недиссимилятивного (включая сюда также сильное яканье и иканье) как системы вокализма, возникшей раньше более сложного диссимилятивного и уж тем более – ассимилятивно-диссимилятивного аканья-яканья – именно эта точка зрения представляется более адекватной из системных соображений³¹ (как будет показано ниже, различные диссимилятивные модели достаточно просто и непротиворечиво выводятся именно из недиссимилятивной модели). При этом данная гипотеза позволяет не только отнести возникновение аканья к эпохе после падения редуцированных, но и рассматривать его как непосредственное след-

³¹ Ср. сходную точку зрения в [van Wijk 1934–1935]. Н. Ван-Вейк считал, что первоначальным типом аканья было аканье недиссимилятивное, на базе которого сформировались умеренное яканье и диссимилятивное аканье-яканье. При этом, по мнению Н. Ван-Вейка, все типы диссимилятивного вокализма сложились на основе первичной жиздринской модели, а ступень, на которой все безударные гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге нейтрализовались в редуцированном гласном [ъ] ([ъ]), отсутствовала. Эта точка зрения нами не разделяется, в первую очередь потому, что вывод разнообразных типов диссимилятивного яканья из жиздринской модели столь же затруднителен, сколь и из обоянской, а изменение [ё], [е], [օ] непосредственно в [а] представляется необъяснимым с чисто фонетической точки зрения.

ствие или продолжение той же самой тенденции – редукции кратких гласных в положении перед последующим долгим. Другим ее существенным достоинством является тот факт, что она позволяет предложить чисто фонетическое (не связанное с явлениями аналогии) объяснение формирования разнообразных моделей диссимилятивного аканья-яканья.

Итак, можно предположить, что в процессе формирования количественно-динамического ударения все ударные гласные определенным образом (в первую очередь, по длительности) оказались противопоставленными гласным безударных слогов. Их удлинение вело к сокращению безударных гласных и редукции их до степени [ъ] ([ъ])³², в особенности – тех гласных, которые находились перед ударными³³ – точно так же, как сокращались сверхкраткие ь и ъ в позиции перед гласными полного образования в эпоху падения редуцированных³⁴. При этом сокращению обычно подвергались все гласные, кроме самых кратких, каковыми являлись гласные верхнего подъема (и, ы и у)³⁵:

(2.1)

предударный слог

$i \rightarrow i$ $\epsilon \rightarrow \dot{\epsilon}$ $e \rightarrow \dot{e}$	$\dot{y} \rightarrow y$ $a \rightarrow \dot{y}\backslash\dot{y}$	$u \rightarrow u$ $o \rightarrow \dot{u}\backslash\dot{u}$
---	---	---

³² "Я рассматриваю качественные изменения вокализма безударных слогов скорее как прямое следствие утраты количества и развития экспираторного ударения. Подобные изменения очень часто наблюдаются в языках с сильным экспираторным ударением и без свободных количественных различий на индоевропейской почве" [Трубецкой 1987: 161].

³³ "С фонетической точки зрения редукция безударных гласных при таком ударении относится к явлениям такого же типа, как заменительное удлинение гласных, сокращение и синкопирование гласных при удлинении гласных следующего слога и т.п. Слово в потоке речи представляет собой некоторую структуру, имеющую тенденцию сохранения своего облика (колебания наблюдаются лишь в известных пределах) как по длительности, так и по сумме затрачиваемой произносительной энергии" [Кузнецов 1964: 34].

³⁴ Сокращение гласных первого предударного слога могло вести к удлинению гласных в позиции перед сократившимся гласным ([галъвá]), что отмечается в современных говорах с диссимилятивным аканьем и что было характерно для кратких гласных в положении перед павшими редуцированными.

³⁵ «Гласные высокие и, ы, у, сохранились... Гласные же со средним и низким положением языка распались на две группы, в зависимости от положения после твердого или мягкого согласного. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой из этих групп все сливались в свое время в предударном слоге в одну и ту же "редуцированную" гласную артикуляцию, после твердого согласного в задний, а после мягкого согласного в передний "иррациональный" оттенок – т.е. в какие-то "ъ" и "ь", представлявшие относительные гласные положения безразличности. Первоначальная разница между гласными внутри этих групп (*a*, *o* – *e*, *ɛ*, *ɑ*, *ɔ*) таким образом исчезла совсем; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже в зависимости от гласного следующего, ударяемого слога... в зависимости от количества его» [Брок 1916: 26]. Можно предположить, что краткие гласные не сокращались, т.к. их сокращение могло привести к полной утрате гласного; кроме того, [у] в силу его значительной лабиализации вообще редуцируется крайне редко. Впрочем, в части говоров с диссимилятивным аканьем нелабиализованные гласные верхнего подъема ведут себя так же, как и остальные безударные гласные, т.е. нейтрализуются с ними: "Старое у (ы) отмечено в предударном слоге... нередко как переходное к ъ или как несомненное ъ (о), переходившее иногда под влиянием соседнего гласного далее в *u*: *bъlá*, *sъlxál*, *nъg'äť*, *zaγtъzálъ*... Все это оставляет вне сомнения, что мы стоим перед распространением на ряд случаев с *у* в предударном слоге этого принципа, который видим при старших *o* – *a* в том же слоге: *trъwá* (*trowá*)–*trawý* и под." [Брок 1916: 61–62].

Таким образом сформировался наиболее архаичный тип аканья – **недиссимилятивное аканье** в широком смысле – с нейтрализацией фонем неверхнего подъема в звуках типа [ъ] после твердых согласных и типа [ы] или краткого [и] после мягких. Этот тип аканья является довольно распространенным³⁶ на территории России – он соответствует произношению значительной части носителей русского литературного языка, проживающих на юге и востоке современной Российской Федерации.

Особые отношения между гласными ударного и первого предударного слогов (в частности, зависимость длительности предударного гласного от длительности ударного, а также типичная для русского языка реализация одного фразового акцента на двух этих слогах акцентированного слова³⁷) могли способствовать формированию так называемого "просодического ядра" слова (термин предложен С.В. Кодзасовым), объединяющего ударный и первый предударный слоги³⁸; эти слоги отчетливо противопоставлены всем другим слогам слова по целому ряду фонетических параметров (в первую очередь, по длительности и спектральному составу гласных) преимущественно в акающих русских говорах³⁹, что создает типологически крайне редкую ритмическую схему слова⁴⁰, описанную еще А.А. Потебней⁴¹. В большинстве же северно-

³⁶ В произношении большинства современных носителей московского варианта СРЛЯ (особенно – младшей орфоэпической нормы) сейчас в первом предударном слоге после твердых согласных фиксируется гласный [а], практически не отличающийся качественно от соответствующего ударного гласного (по крайней мере, в случае отсутствия фразового акцента на данном слове [Князев 1998]). Однако еще недавно единственно допустимым считалось произношение в этой позиции звука [ʌ] (точнее [а^u]), т.е. гласного более закрытого, чем [а], среднего между [а] и [ъ]). Можно предположить, что еще раньше этот гласный был еще более закрытым, т.е. [ъ]-образным, тогда история его изменения может быть описана как последовательное понижение подъема: [ъ] → [а^u] → [а].

³⁷ "Typical form of intonation such that the first syllable of the word, which is unstressed, has a higher tone than the second, which is stressed, and the intonational interval between them is greater than the average." [Брок 1916: 8].

³⁸ "*(Russian) word consists of a heavy nucleus (stressed and pre-stress syllables) and light marginal parts*" [Kodzasov 1999]. В целом, проблема формирования просодического ядра слова (причины и механизм этого явления) представляет собой, пожалуй, наиболее сложную, но и наиболее существенную проблему, связанную с историей аканья. Попытка ее решения предпринята С.В. Кодзасовым [Кодзасов, в печати]. С.В. Кодзасов связывает это явление с присутствием в словах русского языка, относящихся к акцентной парадигме В, фонационных переломов на стыках слогов (преимущественно корневых и аффиксальных): "Two prosodic features of the stems govern stress location in the words. The first one is [+/-AA]: presence/absence of Articulatory Accent... The second feature is [+/-LSSh]: presence/absence of Laryngeal Setting Shift" [Kodzasov 1999: 854]. Наличие таких переломов маркируется одновременным усилением слогов, находящихся как слева, так и справа от фонационного сдвига. По общему правилу русской ритмики (из двух сильных слогов второй всегда является более сильным) ударным с системной точки зрения является слог, находящийся после перелома.

³⁹ А также в восточных (Владимирско-Поволжских) говорах с неполным оканьем. Подробнее о соотношении по длительности ударного и безударных слогов в разных русских говорах см. [Высотский 1973].

⁴⁰ Гораздо более распространенной в европейских языках является ритмическая схема слова с чередованием сильных и слабых слогов; в этом случае первый предударный гласный наряду с первым заударным является самым слабым из безударных: "Существенно обратить внимание на своеобразный характер структурной модели фонетического слова в основной массе русских акающих говоров... Наиболее сильным является гласный ударного слога, второе место занимает гласный первого предударного слога, третье – гласные остальных безударных слогов... Эта модель отступает как от модели соседних финно-угорских языков (правда не все последние в этом отношении изучены, но большинство прибалтийских финских дает чередование по силе четных и нечетных слогов), так и от предполагаемой модели далекого предка не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом. В общеиндoeвропейской системе определенного периода, по-видимому, одним из наиболее слабых был первый предударный слог" [Кузнецов 1964: 34–35].

⁴¹ "Слог третий от ударяемого слабее второго, предшествующего ударяемому и равен

русских говоров с полным оканьем первый предударный слог не входит в просодическое ядро слова, там ударный гласный в равной мере противопоставлен всем безударным или не противопоставлен им вовсегда⁴² [Альмухамедова, Кульшарипова 1980; Князев, Левина, Пожарицкая 1997]⁴³.

В части говоров (акающих!), сформировавших просодическое ядро слова, отношения между ударным и первым предударным слогами далее не развиваются, что дает современное недиссимиллятивное (сильное) аканье с нейтрализацией предударных гласных неверхнего подъема в звуке типа [ъ] после твердых согласных и эканье с нейтрализацией тех же гласных в [ъ] или близком ему по спектральным характеристикам безударном ненапряженном [и] (или [и³]) после мягких согласных (а в части говоров – иканье):

(2.2)

предударный гласный на месте ё, е, о, а	ударный гласный
после С	
ъ	ъ (→ и)
после С'	
	и, ы, у
	ё, ô
	е, о
	а

В другой части этих говоров в результате формирования просодического ядра происходит удлинение редуцированного гласного первого предударного слога, что приводит к понижению его подъема сначала до средне-нижнего, т.е. до степени [Л] (точнее [а¹]), а затем (например, в современном московском произношении) и до обычного

слогу, следующему за ударяемым. Если тоническую силу ударяемого слога обозначить через 3, то отношения других слогов к ударяемому в четырехсложном слове можно будет изобразить так: 1, 2, 3, 1" [Потебня 1865: 62]. При этом сам А.А. Потебня, по-видимому, имел в виду только различия гласных по интенсивности и тембр: "В данной работе А.А. Потебни... четко названы лишь два компонента ф. слова: в его структуре отмечены градации слоговых гласных по отношению к их силе и тембр... Впоследствии... стихийно и вполне правомерно был привлечен еще один компонент ф. слова – длительность гласных" [Высотский 1973: 27]. Современные исследования показывают, что длительность первого предударного гласного в большинстве русских говоров и литературном языке сопоставима с длительностью ударного. На это, впрочем, указывал еще О. Брок: "Гласные в слоге предударном заметно удлиняются, достигая, по моим наблюдениям, приблизительно, долготы гласного ударяемого слога, если не превышают ее" [Брок 1916: 9]. Он же предложил более точную формулу ритмической организации фонетического слова в русском языке – 62165(4) (где 1 – самый полновесный (ударный) слог, 2 – первый предударный и т.д.) [Брок 1916: 11].

⁴² Об этом же может свидетельствовать и тот факт, что в севернорусских говорах именно гласный первого предударного слога в наибольшей степени подвержен межслоговой вокальной ассимиляции, которая распространяется обычно на наиболее слабые гласные (в южнорусских говорах – в первую очередь на гласные второго предударного и первого заударного слогов) [Касаткина 1996].

⁴³ С.С. Высотский, впрочем, считал, что "двуступенчатость ритмической структуры ф. слова в отношении длительности ее сегментов" выражена во всех русских говорах, хоть и в разной – часто ничтожно малой – степени: "Тип VIII – резко противоположный предыдущим тип по реализации двухступенчатости. Последняя выражена очень слабо... Все три гласные (ударный, первый и второй предударные. – С.К.), хотя и слабо, но в принципе различаются по длительности. Особенно мало контрастируют по длительности гласные I и II предударных слогов (соответственно 57% и 51% от длительности ударного. – С.К.)... Встречается в северной и северовосточной зоне с(еверно)-р(усских) говоров" [Высотский 1973: 36].

[a]. Этот тип аканья фиксируется преимущественно в тех говорах, где контраст между гласными первого предударного слога и другими безударными гласными выражен наиболее ярко⁴⁴ – в восточных акающих и в псковских говорах (о наличии в псковских диалектах подобной ритмической модели см. [Чекмонас 1998]):

(2.3)

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
ъ → а	ь → а	и, ы, у
ъ → а	ь → а	ё, ӧ
ъ → а	ь → а	е, о
ъ → а	ь → а	а

В московском варианте литературного языка произошло совмещение вокализма после твердых согласных системы (2.3) и после мягких – системы (2.2):

(2.4)

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
ъ → а	ь → и	и, ы, у
ъ → а	ь → и	ё, ӧ
ъ → а	ь → и	е, о
ъ → а	ь → и	а

Наконец, в говорах третьего типа гласные первого предударного и других безударных слогов противопоставлены не так ярко⁴⁵. При этом отношения между гласными просодического ядра слова оказываются в этих системах наиболее тесными – в том смысле, что в них наличие или отсутствие удлинения редуцированного гласного первого предударного слога зависит от собственной длительности ударного гласного: в положении перед самым долгим из гласных ([а]) удлинения не происходит (сохраняется [ъ]), в позиции перед самыми краткими из ударных гласных (гласными верхнего подъема [и], [ы], [у]) предударный [ъ] удлиняется и переходит в [а], а промежуточные ударные гласные среднего подъема (и средне-верхнего при их наличии) могут вести себя в этом отношении либо как нижние, либо как верхние гласные⁴⁶. Так

⁴⁴ Гласный первого предударного слога в этой системе по длительности практически равен ударному или слегка превосходит его, а длительность гласного второго предударного слога составляет лишь 10–16% от длительности ударного.

⁴⁵ Длительность гласного первого предударного слога в этих говорах составляет лишь 60–90%, а гласного второго предударного слога – 35–55% от длительности ударного.

⁴⁶ Нельзя, впрочем, исключать и такой возможности, что количественная диссимиляция гласных и нейтрализация в безударных слогах гласных неверхнего подъема сформировались одновременно, и редуцированный в положении перед ударным [а] был изначально более кратким, чем в положении перед более узкими (и более краткими) гласными [Jacobson 1929; Чекмонас 1987]. Тогда следует предположить, что в говорах первых двух типов это различие позднее нейтрализовалось (или сохранилось лишь в виде количественного), а в говорах третьего типа преобразовалось в качественное.

формируются наиболее простые типы диссимилятивного аканья – архаическое, жиздринское, донское (при том, что в положении после мягкого согласного редуцированный гласный [ъ] изменяется в очень близкий ему по спектральным характеристикам безударный краткий ненапряженный [и] перед долгими и в долгий [а] перед краткими). Интересно при этом, что в диссимилятивных моделях после мягких согласных [и], противопоставленный [а], оказывается возможным в тех положениях, где после твердых согласных не встречается противопоставленный тому же [а] редуцированный [ъ] – например, перед гласными верхне-среднего подъема (донское яканье) – по-видимому, именно вследствие того, что он является несколько более долгим, чем [ъ], что еще раз подтверждает наличие компенсаторных отношений по длительности между гласными просодического ядра слова в говорах с диссимилятивным аканьем-яканьем.

(2.5.1) Архаическое яканье обоянского типа

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ô
ъ	ъ (→ и)	е, о
ъ	ъ (→ и)	а

(2.5.2) Архаическое яканье задонского типа

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ô
ъ	ъ (→ е)	е, о
ъ	ъ (→ е)	а

Наличие [а] в предударном слоге перед ударными гласными из ё, ô в архаическом типе аканья при [ъ] перед гласными из е, о отнюдь не противоречит излагаемой теории, так как дифтонги, вопреки довольно часто встречающемуся мнению, не обязательно превышают по длительности соответствующие монофтонги, наоборот, именно монофтонги – если они являются более открытыми (широкими) гласными – должны быть, в соответствии с общей закономерностью, более долгими: "В диалектологической литературе встречаются, по-видимому, не совсем точные указания на якобы конститутивный признак дифтонгов – их большую длительность по сравнению со всеми монофтонгами... Дифтонги русских диалектов в натуральной речи действительно представляются несколько продленными... Вместе с тем, статистическое обследование достаточно больших отрывков магнитофонной записи живой диалектной речи показало, что длительность [уо], [иэ]... практически не отличается от длительности [о], [е] в таких же фразовых условиях, в противоположность гласному [а], длительность которого остается превалирующей" [Высотский 1967: 17].

Кроме того, дифтонги на месте ⟨ё⟩ и ⟨ô⟩ в ряде случаев ведут себя не как особые гласные, а как сочетания гладьда (неслогового гласного, т.е. гласного, не входящего в слоговое ядро) с соответствующим (в этом случае совсем кратким) гласным среднего или средне-верхнего подъема: "Инструментальный анализ дифтонгов, принадлежащих различным русским говорам, показывает, что они все, по терминологии Л.В. Щербы,

принадлежат категории не истинных, а ложных дифтонгов. Их силовая вершина сосредоточена ближе к концу или началу гласного образования, так что один из двух основных тембральных компонентов сложного гласного всегда преобладает по силе, что обычно сопровождается преобладанием его по длительности (последняя составляет 60–85% длительности всего дифтонга)... Под влиянием некоторых ритмико-интонационных условий фразы данные дифтонги могут представлять промежуточные формы, напоминающие истинные дифтонги с их равноправными компонентами. Последняя форма сложных гласных в русских диалектах не закреплена и встречается в них как случайное образование речи" [Высотский 1967: 56].

Наконец, чаще всего в говорах с шести- и семифонемным вокализмом дифтонги и монофтонги сосуществуют в качестве реализаций гласных фонем средне-верхнего подъема: в сильной фразовой позиции обычно произносится дифтонг, в слабой – монофтонг: "Здесь образуется закономерная просодическая вариация фонемы как функция определенных ритмико-интонационных условий фразы" [Высотский 1967: 15].

В говорах с жиздринским аканьем в качестве долгого функционирует ударный [a], а в говорах с донским типом вокализма – все гласные неверхнего подъема:

(2.6) Жиздринское аканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ô
(ъ →) а	(ъ →) а	е, о
ъ	ъ (→ и)	а

(2.7) Донское аканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ы, у
ъ	(ъ →) и	ё, ô
ъ	(ъ →) и	е, о
ъ	(ъ →) и	а

Особых замечаний требуют суджанский, мосальский, дмитриевский и щигровский типы диссимилиативного яканья. Для дмитриевского типа принято предполагать раннее совпадение ⟨ё⟩ и ⟨е⟩ при сохранении различия ⟨ô⟩ и ⟨о⟩ [Хабургаев 1975]:

(2.8) Дмитриевское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
	(ъ →) а	и, ы, у
	(ъ →) а	ô
	ъ (→ и)	е, о
	ъ (→ и)	а

В яканье суджанского и мосальского типов, различающихся только временем перехода е в 'о после мягких согласных перед твердыми, как долгие были обобщены

все ударные нелабиализованные гласные неверхнего подъема, а в яканье щигровского типа – только нелабиализованные гласные среднего и нижнего подъема:

(2.9) Суджанское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
	(ъ →) а (ъ →) а	и, ы, у ö, o
	ь (→ и) ь (→ и)	ё, e a

(2.10) Щигровское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а		ударный гласный
после С	после С'	
	(ъ →) а (ъ →) а	и, ы, у ö, o, ё
	ь (→ и) ь (→ и)	e a

Различия в реализации гласных фонем неверхнего подъема в положении перед ударными гласными одного и того же подъема, присущие дмитриевскому, суджанскому и щигровскому типам диссимиллятивного яканья (во всех этих моделях [и] произносится перед ударным гласным, находящимся в положении после мягкого согласного, а [а] – в позиции перед ударным гласным того же подъема, находящимся в положении после твердого; см. 2.11) могут быть объяснены тем, что собственная длительность ударных гласных в положении после мягких согласных несколько больше длительности гласных в позиции после твердых – вследствие наличия при их произнесении [и]-образного переходного участка: «Гласные заметно длительнее после мягких, чем после твердых⁴⁷. Объяснение этого явления очевидно: гласные после мягких согласных начинаются среднеязычными "переходными звуками" типа i-e, которые являются, по-видимому, существенным моментом для акустического восприятия мягкости согласного перед гласными. Для правильности этого восприятия среднеязычный элемент должен быть, по-видимому, настолько длителен, что при нормальной длительности всего гласного⁴⁸ он затруднял бы правильное восприятие качества самого гласного, результатом чего и является его удлинение» [Щерба 1912: 135].

(2.11)

предударный гласный	[и]	[а]
дмитриевский	перед гласным из ё	перед гласным из ö
суджанский	перед [e], [o]	перед [o]
щигровский	перед [e], [o]	перед [o]

⁴⁷ По данным Л.В. Щербы длительность ударного гласного в положении после мягкого согласного составляет около 115% от его длительности после твердого (для позиции перед глухим смычным согласным).

⁴⁸ Речь идет о длительности, равной длительности того же звука в положении после твердого согласного.

В истории славянских языков сходные явления наблюдались уже не раз. Так, в различных славянских диалектах интерпретация гласного как долгого или краткого могла зависеть не только от различий в собственной деятельности гласного, но даже и от различий в длительности гласного в зависимости от типа следующего согласного (например, в положении перед глухим согласным длительность гласного при прочих равных условиях составляет в разных языках 75–90% от его длительности перед соответствующим звонким). Так, наличие или отсутствие компенсаторного удлинения гласного полного образования в результате падения слабого редуцированного следующего слога в ряде славянских диалектов зависело от длительности находящегося между ними согласного и, соответственно гласного полного образования – чем короче был следующий согласный, тем дольше фонетически был гласный, тем в большей степени он был склонен к переходу в класс долгих [Timberlake 1983: 300]. Длительность согласных увеличивается в соответствии со следующей шкалой: сонорные – звонкие шумные – глухие шумные (при этом иногда еще имеет значение и способ образования – фрикативные оцениваются как менее долгие по сравнению со взрывными). Чрезвычайно существенным при этом представляется то, что разные языки проводят границу между долгими и краткими гласными в разных местах этой шкалы – ситуация, удивительно напоминающая ситуацию формирования многообразных типов русского диссимилятивного яканья в зависимости от того, какой из гласных оценивается как долгий, а какой – как краткий на шкале градуального увеличения длительности с понижением подъема гласного. Так, по данным А. Тимберлейка [Timberlake 1983 : 300], компенсаторное удлинение гласного полного образования в результате падения слабого редуцированного следующего слога при прочих равных условиях в северных чакавских диалектах сербско-хорватского языка происходит только в положении перед сонорным, в польском и южных чакавских диалектах сербско-хорватского – перед сонорным и звонким шумным, в украинском – перед сонорным, звонким шумным и глухим шумным и т.п.

Таким образом, все разнообразие диссимилятивных моделей вокализма связано, в первую очередь, с тем, к какому классу относятся гласные неверхнего и ненижнего подъема – к классу долгих или кратких гласных (при том, что гласные верхнего подъема всегда функционируют как краткие, а гласный нижнего подъема – как долгий).

Изложенная здесь гипотеза позволяет не только предложить чисто фонетическое объяснение возникновения различных типов диссимилятивного яканья-яканья (причем единое для всех этих типов); она позволяет отказаться и от представления о том, что причиной их возникновения была утрата противопоставления между гласными среднего и верхне-среднего подъема, а это, в свою очередь, позволяет объяснить наличие семифонемного ударного вокализма в говорах с жиздринской, донской, суджанской и другими предударными моделями. Таким образом, становится необязательным предполагать для говоров с дмитриевским яканьем шестифонемной системы ударного вокализма с ⟨ö⟩, но без ⟨č⟩, тем более что "существование систем вокализма только с одной фонемой /ø/, по-видимому, не подтверждается, поскольку сведения о наличии в говоре /ø/ при отсутствии /č/ можно пока почерпнуть лишь из недостаточно обстоятельных материалов" [Высотский 1967: 15].

Отметим еще раз, что недиссимилятивные модели вокализма распространены преимущественно на той территории, где наблюдается наибольшая степень контраста между гласными первого предударного и других безударных слогов, а диссимилятивные – там, где степень выраженности этого контраста меньше. Исходя из этого, можно предположить, что столь значительное удлинение гласного первого предударного слога было связано со значительным же сокращением гласного второго предударного слога.

Как уже отмечалось выше, возникновение **умеренного яканья**⁴⁹ принято объяснять

⁴⁹ Принцип умеренного яканья состоит в том, что в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема перед твердыми согласными

наслоением недиссимилятивного аканья–яканья на окающую модель владимиро-половецкого типа. Эта концепция, предложенная Е. Будде [Будде 1896], получила развитие в работах В.Н. Сидорова [Сидоров 1951; 1966].

Как полагал Е. Будде, а вслед за ним и В.Н. Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окающими владимиро-половецкими говорами) были изначально севернорусскими⁵⁰ говорами с произношением [o] перед твердыми согласными и [e] перед мягкими на месте как *е и *ъ, так и *ѣ (т.е. н[‘o]сý, в[‘o]лá и в л[‘o]сý, р[‘o]ка при н[‘e]сý, р[‘e]кý). Под влиянием акающей модели, в которой безударное [o] отсутствует, в этих диалектах стали произносить [a] на месте любого [o], в том числе и после мягких согласных (а также [и] на месте [e]): т.е. н[‘a]сý, в[‘a]лá и в л[‘a]сý, р[‘a]кá, при н[‘i]сý, р[‘i]кý. "В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели" (Сидоров 1966: 105). Однако такая система еще не есть умеренное яканье, так как во владимиро-половецких говорах этого типа (в отличие от северовосточных – Костромских, Вологодских, Архангельских) на месте предударного ⟨a⟩ произносится [a] как перед твердым, так и перед мягким согласным (*n[‘a]так*, *n[‘a]ти*), а в говорах с умеренным яканьем в словах типа *пряди*, *пяти*, *в грязи*, *глядят* предударная ⟨a⟩ реализуется звуком [и] ([п’ит’й]). Этот факт (как и разнообразные диссимилятивные модели, см. выше) приходится объяснять аналогическим выравниванием: "В результате замещения предударного [e] (из старых е и ъ) гласною [и] эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной [а]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука [а] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной и между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная [а] произнеслась в предударном слоге между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим [а], во всех же прочих случаях произнеслось [и]" [Сидоров 1966: 108].

Другим слабым местом предложенной интерпретации умеренного яканья как наслоения недиссимилятивного аканья–яканья на окающую модель именно владимиро-половецкого типа является тот факт, что говоры с последовательным произношением безударного [o] на месте ъ встречаются достаточно редко (по сравнению с умеренно якающими говорами), при этом реализация ъ как [o] в значительной степени лексикализована⁵¹, умеренное же яканье распространено на довольно широкой территории, включая говоры Московской и Тульской областей, не связанные с владимиро-половецкими говорами географически⁵². Впрочем, даже и в восточной части территории распространения умеренно-якающих диалектов "говоры с различием гласных влад.-полов. типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем" [ОСН 1970: 342]. Кроме того,

50 Произносится [a], а перед мягкими – [и] ([и] произносится также и перед группой согласных, последний из которых является мягким – например, *н[‘и]кл’и*, в *в[‘и]др’е*, з*[‘имл’я*, с*[‘истр’ёнка* – это, по-видимому, объясняется тем, что согласные, находящиеся перед мягким, являются хотя и не палатализованными, но полумягкими [Дурново 1903] или просто нейтральными (невеляризованными) [Сидоров 1966: 139]).

51 В современной лингвогеографии их принято относить не к севернорусскому наречию, а к среднерусским говорам [Захарова, Орлова 1970].

52 "В сравнительно небольшом количестве пунктов произношение [o] на месте ъ отмечено как основное произношение... Во многих владимирско-половецких говорах предударное о на месте этимологического ъ наблюдается только в определенном круге слов" [Скобликова 1962: 113, 116].

53 Видимо, именно этот факт позволил Р.И. Аванесову не связывать возникновение умеренного яканья именно с владимиро-половецким вокализмом [Аванесов 1955: 41]. Другие аргументы против гипотезы Е.Ф. Будде-В.Н. Сидорова см. в работе [Котков 1952].

"современные процессы перехода от вокализма с различением гласных к вокализму с неразличением этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различением гласных влад.-поволж. типа обычно наблюдается переход к еканью и иканью" [ОСН 1970: 342]. Поэтому, возможно, логичнее было бы предположить, что умеренное яканье является просто результатом действия в говоре с сильным аканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного (в том числе и реализаций ⟨а⟩) от твердости/мягкости последующего согласного, а не наложением аканья на какую-то определенную модель окающегося вокализма после мягких согласных (хотя в говорах, соседних с владимиро-поволжскими, развитие умеренного яканья могло быть поддержано наличием сходной модели безударного вокализма после мягких согласных). О возможности происхождения умеренного яканья вне связи с влиянием владимиро-поволжской модели безударного вокализма см. также [Дурново 1918: 83]⁵³, [van Wijk 1934–1935; Калнынь, 1952]. Как кажется, такая интерпретация механизма возникновения умеренного яканья совершенно не противоречит общей идеологии гипотезы В.Д. Сидорова⁵⁴.

Наконец, формирование **ассимилятивно-диссимилятивных** моделей может быть связано с широко распространенным в русских говорах явлением межслоговой вокальной ассимиляции. При этом возникновение [а] на месте [ъ] перед ударным [а] при отсутствии безударных [е], [о] перед соответствующими ударными гласными может объясняться тем, что безударное [а] (в отличие от [е] и [о]) уже было возможным в первом предударном слоге в говорах с диссимилятивными типами предударного вокализма.

Иначе объясняли возникновение ассимилятивно-диссимилятивного яканья Н.Н. Дурново и В.Н. Сидоров, считавшие, что оно может быть возведено только к такой модели яканья, в которой различаются предударные гласные на месте фонемы ⟨и⟩, с одной стороны, и фонем неверхнего подъема, с другой (поскольку в ассимилятивно-диссимилятивных моделях на месте фонемы ⟨и⟩ произносится [и] в том числе и перед ударным [а], т.е. на реализацию этой фонемы принцип ассимиляции ударному [а] не распространяется; иначе говоря, предударное [а] в позиции перед ударным [а] не может быть из [и], так как тогда [и] любого происхождения давало бы [а]). Этому условию, по мнению Н.Н. Дурново и В.Н. Сидорова, удовлетворяет только задонский подтип архаического диссимилятивного яканья (отличающийся от обоянского наличием [е] на месте [и]): "Ассимилятивно-диссимилятивное яканье... получилось из диссимилятивного восточного (задонского) типа вследствие ассимиляции предударных открытых гласных ударяемого слова" [Дурново 1923: 369]; "Ассимилятивно-диссимилятивное яканье должно восходить к такому типу архаического диссимилятивного яканья, в котором предударная гласная на месте гласных неверхнего подъема различалась с предударной гласной из этимологического и. Этому требованию как раз удовлетворяло диссимилятивное яканье задонского типа" [Сидоров 1969: 13]. Основным недостатком этой гипотезы является тот факт, что в русских говорах ассимилятивно-диссимилятивное яканье на базе архаического не зафиксировано [Мораховская 1962]. Кроме того, исходя из этой точки зрения, очень сложно объяснить возникновение кидусовского, култуковского и новоселковского типов непосредственно из архаического.

С другой стороны, легко видеть, что предложенному Н.Н. Дурново и В.Н. Сидоровым ограничению вполне удовлетворяет не только задонская модель, но и система любого типа диссимилятивного яканья на этапе до изменения [ъ] → [и] (тем самым ассимилятивно-диссимилятивные модели следует считать достаточно древними; об

⁵³ "Происхождение умеренного яканья на южновеликорусской почве без влияния со стороны вполне возможно" [Дурново 1918: 83].

⁵⁴ Отметим, впрочем, что и гипотеза Е. Будде-В.Н. Сидорова не противоречит излагаемой в данной работе концепции, так как умеренное яканье в ее рамках выводится из взаимодействия оканья и недиссимилятивного, а не архаического, аканья.

отражении этих моделей в документах XVII века, написанных в районе Ряжска и Рязани, см. [Новопокровская 1959]⁵⁵).

В заключение данного раздела необходимо отметить, что многие другие положения теории А.А. Шахматова представляются вполне обоснованными. В частности:

1. Возникновение аканья связано с формированием единого ударения в результате совпадения автономного и автоматического типов ударения: "Утрата физического различия между автономным и автоматическим ударениями... привела к образованию единого динамического ударения – такого же, как в современных восточнославянских языках. Прежние энклиномены перестали отличаться от прежних начальноударных ортотонических словоформ (в традиционных терминах это событие описывается как падение интонационных различий). К какому времени относится это событие, в точности неизвестно. Из общих соображений можно предполагать, что оно... в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения редуцированных... Совпадение автономного и автоматического ударений произошло раньше, чем возникло аканье" [Зализняк 1985: 178].

2. С точки зрения фонетической аканье – это не проблема *o/a*, а проблема нейтрализации неударных гласных неверхнего подъема, которые первоначально, может быть, и не реализовались звуком [a].

3. Аканье в своем развитии прошло две стадии: а) стадию фонетического совпадения безударных гласных неверхнего подъема (в терминах фонологии – стадию унификации⁵⁶ их ДП) [Горшкова, Хабургаев 1997] и б) стадию формирования фонетических реализаций уже унифицированного гласного (по крайней мере в некоторых – диссимилятивно акающих – говорах)⁵⁷: "Из предыдущего следует, что наиболее

⁵⁵ Иное (нефонетическое) объяснение возникновения ассимилятивно-диссимилятивного яканья см. в работе [Захарова 1977].

⁵⁶ Возможно, точнее было бы говорить не об унификации (т.е. совпадении значений) всех ДП, а об утрате некоторых из них (ряда и/или лабиализации) безударными гласными.

⁵⁷ Впрочем, возможно, это не относится к белорусским овтуковским говорам, в которых в первом предударном слоге наблюдается неразличение гласных неверхнего подъема в положении перед ударными гласными среднего и нижнего подъема (долгими) и различение, сопровождаемое удлинением, перед гласными верхнего и средне-верхнего подъема (краткими) [Войтович 1972: 18–26], а также к гдовской и полновской моделям безударного вокализма, свойственным русским говорам севера Псковской обл. [Чекмонас 1998]:

вокализм первого предударного слога полновского типа	ударный гласный	вокализм первого предударного слога гдовского типа
аканье-яканье оканье оканье	верхнего подъема среднего подъема нижнего подъема	аканье-яканье оканье аканье-яканье

Для этих говоров можно предположить отсутствие первой стадии.

Очевидно, что полновская и гдовская модели формировались не независимо друг от друга. По мнению В.Н. Чекмонаса [Чекмонас 1998: 119], основанному преимущественно на анализе лингвогеографических данных, полновская модель возникла в результате взаимодействия оканья и вокализма гдовского типа; последний, в свою очередь, сформировался под влиянием финно-угорских диалектов с гармонией гласных [Чекмонас 1998: 125–130]. Из системно-типологических соображений более вероятным представляется обратное предположение – развитие гдовской модели из полновской в результате наложения на нее принципа ассимиляции (подобно ассимилятивно-диссимилятивному и ассимилятивно-умеренному яканью). Т.Г. Строганова (см. [ОСН 1970: 451]) в соответствии со стандартной точкой зрения на возникновение аканья вводит полновскую и гдовскую модели к диссимилятивному аканью (несмотря на отсутствие диссимилятивных моделей в акающих говорах, соседствующих с гдовскими и полновскими). Критику этой гипотезы см. в [Чекмонас 1998: 121–122].

архаичными следует признать те говоры, которые в наибольшем числе случаев сохранили *α* в слоге предударном. И если в этих говорах в предударном слоге все-таки является *и а*, то это *а* не может быть древним: ясно, что оно заменило *α* под влиянием той или иной звуковой причины" [Шахматов 1915: 340].

4. Нормы реализации этого гласного после твердых и мягких согласных формировались параллельно, а поэтому не может ставиться вопрос о происхождении аканья (в узком смысле) и отдельно – о происхождении яканья [Горшкова, Хабургаев 1997: 116–117].

С другой стороны, с точки зрения изложенной выше концепции, необязательным представляется предположение А.А. Шахматова о первичности диссимилятивного аканья по сравнению с недиссимилятивным. Признание первичности недиссимилятивного аканья позволяет отказаться от предположения о том, что "зона старейших акающих говоров должна находиться в центре общего ареала аканья-яканья" [Горшкова, Хабургаев 1997: 111], то есть на "глухой восточнославянской периферии, удаленной от важнейших древнерусских (позднее великорусских) культурных центров" [Горшкова, Хабургаев 1997: 113]; данная гипотеза может считаться вполне вероятной лишь для объяснения формирования вторичных диссимилятивных моделей предударного вокализма. Возникновение же недиссимилятивного аканья (в том числе и яканья) может быть рассмотрено как процесс, общий для обширной группы современных акающих говоров.

Подробный анализ современных лингвогеографических данных в связи с проблемой территории возникновения аканья и вопросом о том, какой из типов аканья является первичным, содержится в работе [Хабургаев 1980]. Эти сведения являются, по существу, едва ли не единственным аргументом в пользу первичности диссимилятивных моделей аканья, поскольку, как это было показано выше, из системных соображений более вероятной представляется гипотеза о первичности недиссимилятивного аканья, а данные памятников письменности не дают никаких оснований считать наиболее древним архаическое диссимилятивное аканье⁵⁸. Однако следует иметь в виду, что данные лингвогеографии сами по себе нельзя рассматривать как окончательные аргументы в пользу той или иной гипотезы: "Постановка подобных вопросов на основе интерпретации изоглосс всегда имеет предварительный и более или менее условный характер, их полное разрешение требует синтеза с показаниями памятников письменности и еще более детального изучения каждого явления в отдельности" [Орлова 1961: 5].

Г.А. Хабургаев, в частности, отмечает: «Поскольку, как это обнаруживается из исследований последних десятилетий, при столкновении аканья-яканья с оканьем "побеждает" акающая система как более последовательно реализующая общую для всех восточнославянских языков тенденцию к обобщению ДП безударных гласных, то можно считать установленным, что в целом ареал аканья-яканья в историческое время неуклонно расширялся. А это значит, что зона старейших говоров должна находиться в центре общего ареала аканья-яканья⁵⁹... На территории старейших древнерусских поселений центр ареала занят говорами с различными разновидностями диссимилятивного аканья-яканья» [Хабургаев 1980: 143]. Однако, на наш взгляд, нет оснований считать, что территория, на которой первоначально возникло аканье, обязательно представляла собой "точку" в пространстве или даже какой-то очень маленький ареал; вполне можно допустить и то, что аканье изначально возникло на достаточно об-

⁵⁸ Более или менее надежные сведения письменных источников о диссимилятивном характере яканья (впрочем, при недиссимилятивном аканье) в южнорусских (курских) говорах относятся лишь к середине XVII в. [Хабургаев 1960], при том что возникновение аканья принято датировать концом XII – началом XIII вв. В более ранних памятниках следов диссимилятивности не обнаруживается [Филин 1972: 120–128].

⁵⁹ Впрочем, тот факт, что территория распространения акающих говоров увеличивалась за счет окающих, отнюдь не означает того, что первоначально аканье возникло именно в центре современного акающего массива.

широкой территории; тогда вопрос о том, какой именно тип аканья-яканья представлен сейчас в его центре, становится неактуальным. Кроме того, "явные признаки аканья, пробивавшегося сквозь окающую орфографию, в письменности XIV в. Москвы, Белоруссии, Смоленска, Пскова, т.е. на огромной территории, делают и вовсе невероятной гипотезу, по которой аканье возникло только в XIII в. на ограниченном пространстве районов южнее Оки. Объяснить почти молниеносное распространение аканья на обширных землях невозможно" [Филин 1972: 147]. Наконец, нельзя считать установленным, что смена аканья аканьем при "столкновении" этих систем является результатом действий какой-то тенденции, общей для всех восточнославянских языков. Во-первых, действия этой тенденции не наблюдается во многих (северно)русских и украинских говорах. Во-вторых, окающая система по сравнению с окающей является более сложной (как любая система с нейтрализацией фонем по сравнению с системой без их нейтрализации). В-третьих, нельзя исключать возможности того, что смена аканья аканьем при их взаимодействии происходит не в результате действия каких-то внутриязыковых тенденций, а просто в силу большей престижности аканья – в таком случае это явление не может быть отнесено к моменту формирования и распространения аканья (а о его точной хронологии достоверных сведений не существует: нельзя, например, с полной уверенностью сказать, когда аканье сменилось аканьем в том или ином диалекте – до или после формирования русского литературного языка нового типа).

Далее Г.А. Хабургаев (основываясь на мнении Р.И. Аванесова [Аванесов 1955]) пишет: "Данные лингвистической географии заставляют обратить внимание на целый ряд особенностей ареала разновидностей аканья-яканья, связанных с диссимилятивной зависимостью качества предударенного гласного от степени подъема гласного под ударением: в его границах диссимилятивное аканье в узком смысле (после твердых согласных), как правило, сопровождается диссимилятивным яканьем, в то время как недиссимилятивное аканье (в узком смысле) сопровождается самыми разнообразными разновидностями реализации 'α' (после мягких согласных) – от диссимилятивного или ассимилятивно-диссимилятивного яканья до московского яканья, при котором фонетическая реализация 'α' (после мягких согласных) не имеет ничего общего с фонетической реализацией α (после твердых согласных)" [Хабургаев 1980: 143–144]. Здесь представляется уместным заметить, что 1) недиссимилятивное аканье может сопровождаться не только диссимилятивным или ассимилятивно-диссимилятивным яканьем или иканьем, но и параллельным ему сильным яканьем; 2) при диссимилятивном яканье, совершенно в той же степени, как при иканье, "фонетическая реализация 'α' (после мягких согласных) не имеет ничего общего с фонетической реализацией α (после твердых согласных)" перед гласными нижнего и среднего подъема. Таким образом, утверждение о том, что «только (выделено мной. – С.К.) в ареале разновидностей аканья-яканья, "связанных с диссимилятивностью", встречаются говоры, в которых типы фонетической реализации α после твердых и после мягких согласных полностью совпадают» [Хабургаев 1980: 144] не соответствует действительности – кроме говоров с сильным яканьем и недиссимилятивным аканьем (т.е. с [a] как после мягких, так и после твердых согласных) существуют и системы, в которых гласные неверхнего подъема после твердых согласных нейтрализуются в звуке типа [ъ], а после мягких – в звуке типа [ы] или близкого ему спектрально краткого ненапряженного [и] (см. выше). Наконец, не совсем ясно, почему параллелизм реализации гласных после твердых и после мягких согласных должен быть явлением более древним, чем зависимость тембра безударного гласного от свойств предшествующего согласного (ведь именно такую зависимость предполагал еще А.А. Шахматов для диссимилятивного аканья-яканья).

Г.А. Хабургаев заключает свою мысль: "Именно представление о единстве изменения предударенных гласных после твердых и после мягких согласных лежит в основе шахматовской концепции происхождения аканья-яканья" [Хабургаев 1980: 144]. Легко видеть, что изложенная выше концепция возникновения аканья отнюдь не противоречит этому положению. Кроме того, эта концепция позволяет устраниТЬ вопрос о

том, почему при взаимодействии окающих и акающих моделей в истории русского языка оканье сменяется не диссимилятивным, а сильным аканьем. По мнению Г.А. Хабургаева, «при столкновении аканья с так называемым "оканьем" побеждает акающая система... К северу и к югу от предполагаемой зоны формирования, где аканье-яканье распространялось, охватывая славянскую речь, известны лишь его недиссимилятивные разновидности... Это означает, что носители соседних древнерусских говоров воспринимали лишь основной принцип аканья, не "улавливая" мимо диссимилятивной зависимости качества предударенного гласного от степени подъема гласного ударяемого слога» [Хабургаев 1980: 142, 145]. Очевидно, что предположение о первичности недиссимилятивных моделей аканья позволяет описать отмеченный Г.А. Хабургаевым факт гораздо более реалистично – в этом случае при смене оканья аканье как недиссимилятивное аканье усваивается именно недиссимилятивное аканье*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р.И. 1947 – Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.
- Аванесов Р.И. 1952 – Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6.
- Аванесов Р.И. 1955 – Проблемы образования языка великорусской народности // ВЯ. 1955. № 5.
- Альмухамедова З.М., Кульшарипова Р.Э. 1980 – Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.
- АРНГ 1957 – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии. М., 1957.
- Будде Е. 1896 – К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
- Бондарко Л.В. 1998 – Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1965 – Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Брок О. 1916 – Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916.
- Войтович Н.Т. 1972 – К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
- Высотский С.С. 1967 – Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Высотский С.С. 1973. – О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Георгиев В.И. 1963 – Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // ВЯ. 1963. № 2.
- Георгиев В.И. 1964 – Общеславянское значение проблемы аканья // ВЯ. 1964. № 4.
- Георгиев В.И. 1965 – Аканье и иканье в истории русского языка // Проблемы современной филологии. М., 1965.
- Георгиев В.И. 1968 – Праславянский вокализм и проблема аканья // В.И. Георгиев, В.К. Журавлев, Ф.П. Филин, С.И. Стойков. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.
- Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1997 – Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- Дурново Н.Н. 1903 – Описание говора дер. Парfenok Рузского уезда Московской губ. Варшава, 1903.

* Я глубоко признателен своим коллегам по кафедре русского языка филологического факультета МГУ – Е.Л. Бархударовой, Е.Ф. Васеко, Л.А. Илюшиной, Т.В. Михайлычевой, Е.А. Нефедовой, С.К. Пожарицкой, А.В. Птенцовой и М.Н. Шевелевой, а также Р.Ф. Касаткиной, Л.Л. Касаткину, С.В. Кодзасову (Институт русского языка РАН) и С.Л. Nikolaevu (Институт славяноведения РАН) за то, что они нашли время прочитать несколько версий данной статьи; их замечания, дополнения и чрезвычайно интересные вопросы позволили очень существенно ее улучшить. Особую благодарность я хотел бы выразить Е.А. Галинской – ее помочь была просто неоценимой. Конечно, вся ответственность за ошибки, неточности и неясности, если они все же сохранились в тексте, целиком лежит на авторе статьи.

- Дурново Н.Н.* 1918 – Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. М., 1918.
- Дурново Н.Н.* 1923 – Ответ проф. Е.Ф. Будде // Известия ОРЯС. Т. XXIV. Кн. 2. Петроград, 1923.
- Дурново Н.Н.* 1924 – Очерк истории русского языка. М., 1924.
- Зализняк А.А.* 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Захарова К.Ф.* 1959 – Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. I. М., 1959.
- Захарова К.Ф.* 1961 – Некоторые случаи утраты архаического типа диссимилятивного яканья (По материалам "Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР") // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961.
- Захарова К.Ф.* 1971 – Типы диссимилятивного яканья в русских говорах // ВЯ. 1971. № 2.
- Захарова К.Ф.* 1977 – К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* 1970 – Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Калнынь Л.Э.* 1952 – Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
- Касаткин Л.Л.* 1998 – Некоторые фонетические особенности современных русских говоров, описанных в начале XX века О. Броком // A centenary of Slavic studies in Norway. The Olaf Broch Symposium. Oslo, 1998.
- Касаткина Р.Ф.* 1996 – Межслоговая ассимиляция гласных в русских говорах // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Касаткина Р.Ф., Щигель Е.В.* 1995 – Ассимилятивно-диссимилятивное яканье // Проблемы фонетики II. М., 1995.
- Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л., Красовицкий А.М., Савинов Д.М., Щигель Е.В.* (в печати) – Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. II. Южнорусское наречие.
- Князев С.В.* 1998 – Фонетическая реализация ударения в различных фразовых позициях в современном русском языке // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. Тезисы докладов Международной конференции. Звенигород, 25–27 ноября 1998 года. М., 1998.
- Князев С.В.* 1999 – О прогрессивной ассимиляции в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9.: Филология. 1999. № 4.
- Князев С.В., Левина А.Н., Пожарецкая С.К.* 1997 – О говорах Верхней Пинеги и Выи // Вопросы русского языкоznания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Кодзасов С.В.* (в печати). – Краевые акценты в русском языке.
- Котков С.И.* 1952 – К изучению орловских говоров // Уч. зап. Орловского пед. ин-та. Т. VII. Вып. 3. Орел, 1952.
- Кузнецов В.Б., Отт В.А.* 1989 – Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования "буква-звук" и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.
- Кузнецов П.С* 1964 – К вопросу о происхождении яканья // ВЯ. 1964. № 1.
- Курило О.Б.* 1928 – До питання про умови диссимилятивного якання // Зап. історико-філологічного відділу Укр.АН. Т. XVII. Київ, 1928.
- Лыткин В.И.* 1965 – Еще к вопросу о происхождении русского яканья // ВЯ. 1965. № 4.
- Мораховская О.Н.* 1962 – Соотношение типов яканья в говорах рязанской мещеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Новопокровская В.Н.* 1955 – Диалектные особенности рязанских говоров XVII века (по рукописи Рязанского областного архива УМВД). Дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 1955.
- Новопокровская В.Н.* 1959 – О некоторых особенностях вокализма рязанских говоров XVII в. // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности при Воронежском университете. Воронеж, 1959.
- ОСН 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М., 1970.

- Орлова В.Г.* 1961 – Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. М., 1961.
- Пауфошима Р.Ф.* 1980 – Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // ИАН СЛЯ. 1980. № 1.
- Пожарицкая С.К.* 1997 – Русская диалектология. М., 1997.
- Потебня А.А.* 1865 – О звуковых особенностях русских наречий // Филологические записки. Вып. 1. Воронеж, 1865.
- Руделев В.Г.* 1963 – К фонологической интерпретации русского яканья // ВЯ. 1963. № 2.
- Сидоров В.Н.* 1951 – О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // ИАН ОЛЯ. Вып. 2. М., 1951.
- Сидоров В.Н.* 1966 – Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье // В.Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Сидоров В.Н.* 1969 – Два пути образования умеренного яканья из ёканья // В.Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Скобликова Е.С.* 1962 – О судьбе этимологического ъ в первом предударном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Трубецкой Н.С.* 1987 – О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Филин Ф.П.* 1968 – О происхождении и развитии восточнославянского яканья // В.И. Георгиев, В.К. Журавлев, Ф.П. Филин, С.И. Стойков. Общеславянское значение проблемы яканья. София, 1968.
- Филин Ф.П.* 1972 – Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.
- Хабургаев Г.А.* 1960 – К истории некоторых фонетических особенностей курских говоров // Вопросы русского языка и методики его преподавания. Курск, 1960.
- Хабургаев Г.А.* 1965 – О фонологических условиях развития русского яканья // ВЯ. 1965. № 6.
- Хабургаев Г.А.* 1975 – Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Хабургаев Г.А.* 1980 – Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
- Чекмонас В.Н.* 1989 – Аканье (яканье) и редукция безударных гласных неверхнего подъема // *Kalbotyra*. № 40(2). Vilnius, 1989.
- Чекмонас В.Н.* 1987 – Территория зарождения и этапы развития восточнославянского яканья в свете данных лингвогеографии // *Russian linguistics*. 1987. № 11.
- Чекмонас В.Н.* 1998 – Аканье и оканье в северной части Псковской области (полновские говоры) // *Kalbotyra*. № 47(2). *Slavistica Vilnensis*. Vilnius, 1998.
- Шахматов А.А.* 1893 – Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.
- Шахматов А.А.* 1915 – Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии / Под ред. И.В. Ягича. Петроград, 1915.
- Щерба Л.В.* 1912 – Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Beckman M.E.* 1986 – Stress and non-stress accent. Dordrecht, 1986.
- Halle M.* 1965 – Akan'e. The treatment of unstressed nondiffuse vowels in Southern Great Russian dialects // *Symbolae linguistiae in honorem Georgii Kurjlowicz*. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1965.
- Jacobson R.* 1929 – Remarque sur l'évolution phonologique du russe // *TCLP*. 2. 1929.
- Kodzasov S.V.* 1999 – Russian // H. van Hulst (Ed.). Word prosodic systems in the languages of Europe. Berlin; New York, 1999.
- Timberlake A.* 1983 – Compensatory lengthening in Slavic. 2: Phonetic reconstruction // American contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. V. I. Linguistics / Ed. by M.S. Flier. New York, 1983.
- Vaillant A.* 1950 – Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Paris, 1950.
- van Wijk N.* 1934–1935 – Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje // *Slavia*, 1934–1935. № 4.